

¹¹ Данные приведены по: Миронов Р.Г., Минасов С.Г. ОВД и УИС в системе правоохранительных органов по обеспечению национальной безопасности в сфере правопорядка // Международное публичное и частное право. 2005. № 6. С. 53.

¹² См.: Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. О.О. Миро-

нова; науч. ред. А.С. Михлин и В.И. Селиверстов. М., 2003. С. 113.

¹³ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316.

¹⁴ См.: Бажанов С.А., Егорова Е.В. К проблеме оперативного обеспечения деятельности уголовно-исполнительных инспекций // Российский следователь. 2007. № 10. С. 26.

К вопросу о сущности принципа дифференциации и индивидуализации исполнения наказания и эффективности его реализации при применении наказания в виде лишения свободы

И.А. ЯНЧУК – старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

Статья посвящена проблемам определения принципа дифференциации и индивидуализации исполнения наказания. В работе проанализированы имеющиеся в теории уголовно-исполнительного права точки зрения по данному вопросу. Делается вывод, что дифференциация и индивидуализация исполнения наказания заключаются в изменении объема карательного воздействия на осужденного. Исследовав средства дифференциации и индивидуализации, автор утверждает, что их эффективность при исполнении наказания в виде лишения свободы находится на недостаточно высоком уровне. Даются предложения по изменению действующего уголовно-исполнительного законодательства.

Ключевые слова: дифференциация и индивидуализация исполнения наказания; исправительное воздействие; условия отбывания наказания; изменение вида исправительного учреждения.

Как известно, уголовно-исполнительную систему России в ближайшие годы ждут серьезные преобразования. Разработана Концепция реформирования УИС до 2020 г. Определены цели, задачи, перспективы реформирования. Известны даже ее будущая модель, предполагаемый результат реорганизации. Однако все чаще встречаются высказывания о том, что предстоящая реформа требует серьезного научного обоснования. Директор ФСИН России А.А. Реймер также это признает и заявляет, что «реформирование УИС должно быть подкреплено научно обоснованными выкладками и решениями»¹. В этой связи особую актуальность приобретают исследования в области теории уголовно-исполнительного права, без чего представляется невозможным эффективное решение и научно-прикладных проблем. Однако в последнее время им не уделялось достаточного внимания.

К числу основополагающих, концептуальных проблем пенитенциарной науки следует отнести изучение принципов уголовно-исполнительного права, среди которых немаловажная роль отводится дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний. Исследование данного принципа, его сущности может иметь практическую ценность при реформировании УИС России.

При рассмотрении принципа дифференциации и индивидуализации исполнения наказания следует затронуть очень важный вопрос о том, что же все-таки следует дифференцировать и

индивидуализировать. Пенитенциарная наука не дает однозначного ответа на поставленный вопрос, поэтому он до сих пор остается дискуссионным. Обратимся к встречающимся в научной литературе взглядам ученых-пенитенциаристов на обозначенную проблему.

В работах С.М. Зубарева и Е.В. Струговой принцип дифференциации распространяется и на карательное, и на исправительное воздействие². Аналогичной позиции придерживается и А.А. Телегин, который указывает, что принцип дифференциации охватывает порядок и условия исполнения наказания, а также характер и объем мер исправительного воздействия³. Что касается индивидуализации исполнения наказания, то здесь можно отметить точку зрения А.А. Лубеницкого, который пишет, что она предполагает индивидуализацию карательно-воспитательного воздействия, то есть индивидуальный подход в определении как объема кары, так и объема исправительно-трудового воздействия⁴. Таким образом, указанные авторы включают в процесс исполнения наказания и реализацию кары, и воспитательное воздействие, что и подлежит дифференциации и индивидуализации неразрывно и в единстве. Между тем существует и иной взгляд на рассматриваемый вопрос. Он заключается в том, что, хотя кара и меры исправительного воздействия составляют единый карательно-воспитательный процесс и в отрыве друг от друга не смогут достичь целей

уголовного наказания, все же их необходимо различать по многим основаниям. Более того, исполнение наказания – это, прежде всего, реализация карательного воздействия. Так, например, Н.А. Стручков и В.Н. Брызгалов подчеркивают, что «если наказание представляет собой кару, то исправительно-трудовое воздействие – это совокупность воспитательных мер в собственном значении данного понятия»⁵. Следует отметить, что ранее В.Н. Брызгалов придерживался противоположного взгляда и выделял единый принцип индивидуализации исполнения наказания и исправительно-трудового воздействия⁶. Однако, как видим, немногим позже он изменил свою точку зрения. В свою очередь А.Л. Ременсон представлял индивидуализацию исполнения наказания как изменение объема карательного воздействия⁷.

Весьма четко данная позиция сформулирована И.В. Шмаровым и М.П. Мелентьевым, которые утверждают, что «следует различать дифференциацию кары и дифференциацию исправительно-трудового воздействия. Дифференциация кары проводится в строго ограниченных нормах права пределах, которые определяются родовой классификацией осужденных. Дифференциация исправительно-трудового воздействия нормами права не урегулирована, она более подвижна и проводится не только в пределах различного вида ИТУ, но и в зависимости от различных групп осужденных в пределах одного вида режима»⁸. Несмотря на то, что суждение авторов об отсутствии дифференциации кары в пределах одного исправительного учреждения выглядит сомнительным, все же логика обоснования представляется верной. Действительно, изменение объема карательного воздействия урегулировано нормами права, например институтом изменения условий отбывания наказания. А для мер исправительного воздействия нельзя установить пределов правового регулирования. В данном случае получается обратная ситуация – можно использовать все, что не запрещено. К мерам исправительного воздействия, например, можно отнести весь арсенал психолого-педагогических методик и способов воздействия на осужденных. Исходя из этого предложенное разделение рассматриваемых понятий считаем вполне обоснованным.

Соглашается с таким подходом и И.М. Перков, который заявляет о существовании двух самостоятельных направлений: дифференциации исполнения наказания и дифференциации исправительно-трудового воздействия. Первое, по его мнению, является регулятором карательного воздействия, второе – исправительно-трудового⁹. А.М. Носенко видит проблему гораздо шире, предлагая начинать ее рассмотрение с уголовно-правовых категорий. В качестве самостоятельных он выделяет следующие понятия: индивидуализация уголовной ответственности, индивидуализация назначения наказания, индивидуализация исполнения наказания и индивидуализация исправительно-трудового воздействия¹⁰. Этот подход, заключающийся в разделении исполне-

ния наказания и применения мер исправительного воздействия, нам представляется наиболее оправданным. В соответствии с общепринятой точкой зрения сущностью наказания является кара¹¹. Отсюда следует, что исполнение наказания представляет собой не что иное, как исполнение, реализацию кары. Это в первую очередь репрессия, применяемая к осужденному за то, что он нарушил закон. Он должен претерпеть определенные лишения, которые выступают в роли воздаяния за совершенное преступление. Безусловно, они носят устрашающий характер. Меры же исправительного воздействия отнюдь устрашением не являются. Они призваны исправить преступника, вернуть в общество правоуправляемого человека. Конечно же, меры карательного воздействия имеют и воспитательное значение, но это не дает оснований отождествлять рассматриваемые процессы. Кроме того, в самом Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации заложено разделение этих понятий. В ст. 8 закрепляется принцип соединения наказания с исправительным воздействием. То есть законодатель признает существование двух процессов, указывая при этом, что их реализация должна осуществляться в единстве. К аналогичным выводам пришла и Е.А. Сизая, исследовавшая данный принцип уголовно-исполнительного законодательства. Она пишет, что «карательные элементы уголовного наказания и меры исправительного воздействия являются самостоятельными юридическими категориями, но находятся в неразрывной связи друг с другом. Они соединяются в процессе деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, в едином карательно-воспитательном воздействии на осужденного»¹². Исходя из вышеизложенного можно заключить, что рассматриваемые понятия являются самостоятельными процессами, и поэтому следует различать дифференциацию и индивидуализацию исполнения наказания как изменение объема кары и дифференциацию и индивидуализацию мер исправительного воздействия.

Таким образом, мы полагаем, что сущность закрепленного в ст. 8 УИК РФ принципа дифференциации и индивидуализации исполнения наказания заключается в изменении объема карательного воздействия на осужденного. Опираясь на данный тезис, можно прийти к выводу, что средствами дифференциации и индивидуализации исполнения наказания являются изменение вида режима ИУ и изменение условий отбывания наказания, поскольку в этих случаях корректируется объем установленных для осужденных правоограничений. В этой связи считаем, что реализация вышеуказанных средств и является проявлением дифференциации и индивидуализации исполнения наказания.

Согласно УИК РФ перевод осужденных из одних условий отбывания наказания в другие прежде всего связан с изменением количества получаемых посылок, передач и бандеролей, краткосрочных и длительных свиданий, а также размера денежных средств, разрешенных для расходования на приобретение продуктов пита-

ния и предметов первой необходимости. Именно это, по мнению законодателя, должно обеспечить разницу в объеме карательного воздействия. И здесь встает вполне резонный вопрос: эффективна ли существующая дифференциация и индивидуализация исполнения наказания? Нередко встречаются критические высказывания о незначительности и несущественности такой дифференциации и индивидуализации исполнения наказания, которая заключается в разнице количества предоставляемых «посылок и свиданий». И эти замечания оправданны. Более того, если у осужденного не имеется родственников, которые присылают посылки, передачи и бандероли, приходят на свидания, то разница в условиях содержания будет заключаться только в размере денежных средств, разрешенных для расходования на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости. Разве это существенно? Разве это дифференциация? Конечно, если понимать под дифференциацией любое разделение, то можно утвердительно ответить на поставленный вопрос. Но дифференциация и индивидуализация важны не сами по себе, они должны служить цели исправления осужденных и, главное, стимулировать их право-покорное поведение. На наш взгляд, институт изменения условий отбывания наказания в действующем виде в полной мере не соответствует этим требованиям. Если мы обратимся к такому средству дифференциации и индивидуализации исполнения наказания, как изменение вида исправительного учреждения, то можно обнаружить аналогичную ситуацию. Ибо за такими громкими словами, как «общий режим», «строгий режим», «особый режим», по большому счету скрывается всего лишь та же разница в посылках, передачах и бандеролях, краткосрочных и длительных свиданиях, а также размере денежных средств, разрешенных для расходования на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости (если, конечно, не учитывать исправительные колонии особого режима для осужденных, отбывающих наказание в виде пожизненного лишения свободы). Полагаем, что разделение исправительных колоний по видам режима служит не только классификации осужденных, но в то же время призвано обеспечить разницу в объеме карательного воздействия на осужденных, что, по нашему мнению, происходит не в достаточной степени.

Таким образом, на наш взгляд, дифференциация и индивидуализация исполнения наказания в виде лишения свободы на сегодняшний день выглядит неэффективной и незначительной. В этой связи встает вопрос: а как ее сделать более существенной? Нам видится такой вариант решения проблемы. Необходимо в полной мере использовать ресурсы УИК РФ. Ведь он предусматривает широкий перечень условий содержания осужденных, которые также можно разделить по условиям отбывания наказания.

Наряду с этим следует затронуть вопрос о реформировании УИС России. В Концепции ре-

формирования УИС до 2020 г. имеются упоминания о дифференциации и индивидуализации исправительного воздействия, а об изменении объема карательного воздействия на осужденного речи не идет. Кроме того, и в выступлениях руководства ФСИН России говорится только о разделении осужденных по видам тюрем, а это классификация осужденных. Думается, что вопрос о карательном содержании наказания, условиях его отбывания, степени и количестве правоограничений еще находится в стадии разработки и является весьма актуальным. В связи с этим хотелось бы рекомендовать разработчикам реформы то, что при построении новой модели системы исправительных учреждений нельзя отказываться от дифференциации и индивидуализации исполнения наказания и предусмотреть более существенное отличие тюрем по объему правоограничений осужденных, а также значительное отличие в условиях отбывания наказания, тем более что покамерное содержание создает для этого широкие перспективы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Выступление директора Федеральной службы исполнения наказаний А.А. Реймера // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2009. № 10. С. 11.

² См.: Зубарев С.М. Принципы уголовно-исполнительного законодательства // Уголовно-исполнительное право: Учеб. для вузов / Отв. ред. А.С. Михлин. М., 2006. С. 74; Стругова Е.В. Дифференциация и индивидуализация исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных женщин: Дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1995. С. 29.

³ См.: Телегин А.А. Правовые и организационные основы дифференциации лиц, содержащихся в местах лишения свободы, в период 1917–1953 годов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 20.

⁴ См.: Лубеницкий А.А. Значение классификации осужденных к лишению свободы и ее влияние на индивидуализацию наказания // Специфика правового регулирования в период становления рыночных социально-экономических отношений. Омск, 1996. С. 157.

⁵ Стручков Н.А., Брызгалов В.Н. Классификация осужденных к лишению свободы и определение им вида исправительно-трудовой колонии. Киев, 1967. С. 8.

⁶ См.: Брызгалов В.Н. Современная классификация осужденных к лишению свободы и ее значение в предотвращении рецидива // О причинах повторной преступности и мерах, принимаемых органами МООП УССР по ее искоренению. Киев, 1965. С. 322.

⁷ См.: Ременсон А.Л. Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 1965. С. 30.

⁸ Шмаров И.В., Мелентьев М.П. Дифференциация исполнения наказания в исправительно-трудовых учреждениях. Пермь, 1971. С. 160.

⁹ См.: Перков И.М. Дифференциация исполнения наказания и процесса исправительно-трудового воздействия в исправительно-трудовых колониях: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1971. С. 10–15.

¹⁰ См.: Носенко А.М. Методика использования материалов изучения личности заключенного и причин совершенного им преступления для индивидуализации процесса перевоспитания // О причинах повторной преступности и мерах, принимаемых органами МООП УССР по ее искоренению. С. 340.

¹¹ См., напр.: Стручков Н.А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1978. С. 56–63; Наташев А.Е., Стручков Н.А. Основы теории исправительно-трудового права. М., 1967; Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность. Л., 1973. С. 16 и др.

¹² Сизая Е.А. Принцип соединения наказания с исправительным воздействием // Закон и право. 2007. № 8. С. 41.